

Мое знакомство съ киргизами.

Въ концѣ октября 1893 года, послѣ длиннаго и въ высшей степени интереснаго путешествія по Тургайской области подѣзжалъ я впервые къ русско-киргизской школѣ, завѣдывать которою незадолго передъ этимъ я былъ опредѣленъ.

Среди необозримой степной равнины, желтой отъ сгорѣвшей за лѣто травы, по берегамъ небольшой степной рѣчки, безпорядочно, длинной змѣйкой, раскинулся киргизскій аулъ-зимовка, состоящій изъ невзрачныхъ низенькихъ землянокъ, скорѣе похожихъ на безформенныя кучи глины, чѣмъ на жилье человѣческое. Вблизи этого аула, въ видѣ маленькаго городка, возвышались бѣлыя каменные зданія моей школы и около нихъ большая мечеть съ огромной башней-минаретомъ.

Встревоженные колокольцами, толпою выбѣжали изъ школы челоѣкъ двадцать киргизятъ, моихъ будущихъ учениковъ и съ недоумѣніемъ глазѣли на пріѣхавшаго незнакомаго „тюрӧ“. Вслѣдъ за ними показался молодой киргизъ въ учительской фуражкѣ и длинномъ неуклюжемъ халатѣ. „Кто ви будешь?“ — вѣжливо обратился онъ ко мнѣ, — „ужъ не новый ли нашъ завѣдывающій, котораго мы такъ давно ждемъ?“ Я назвалъ себя, а киргизъ отрекомендовался учителемъ Досалинымъ, моимъ будущимъ помощникомъ. Киргизята, узнавъ, что пріѣзжій „тюрӧ“ ихъ новый учитель, тѣсно окружили меня и наперерывъ, произнося разныя привѣтствія, спѣшили пожать мою руку. Широкія смуглыя лица ихъ при этомъ дышали радостью, а темныя глазки такъ и сверкали изъ своихъ узенькихъ щелочекъ. Всѣ дѣти были одѣты почти одинаково, именно въ теплыя ватныя

халаты изъ коричневой и черной бязи, въ мѣховыя разнокалиберныя шапки и кожаные сапоги, съ неимоვნно высокими каблуками, по степной модѣ загнутыми къ серединѣ подошвы, почему походка у всѣхъ поневолѣ была довольно смѣшная, всѣ ходили нѣсколько наклонившись впередъ и растопыривъ руки, какъ бы остерегаясь, чтобы не упасть. Многіе выбѣжали безъ шапокъ и безъ халатовъ, въ однихъ легонькихъ разноцвѣтныхъ бешметахъ, при чемъ на спинахъ у нѣкоторыхъ виднѣлись небольшіе ромбовидные амулеты, съ выписками изъ Корана. Волосы у ребятишекъ не были выбриты, и тебетеекъ ни на комъ не имѣлось; только у двоихъ, оказавшихся потомъ новичками и бывшими учениками муллъ, головы были до синя выбриты и украшались бѣлыми колпакообразными тебетейками.

Еще не успѣлъ я поздороваться со всѣми учениками, какъ изъ аула къ намъ подошли нѣсколько пожилыхъ и молодыхъ киргизъ и киргизокъ, которые, заслышавъ колокольчики, по врожденному любопытству поспѣшили разузнать, кто къ нимъ пріѣхалъ. Узнавъ, что пріѣхалъ не какой-нибудь чиновникъ, а учитель, они протискались чрезъ ребятишекъ и ласково привѣтствовали меня своимъ обычнымъ „аманъ-сысъ, тюрә!“

Ради моего пріѣзда Досалинъ пригласилъ нѣкоторыхъ изъ собравшихся киргизъ напиться чаю, и новые мои знакомые расположились на разостланной для нихъ на полу кошмѣ вокругъ огромнаго школьнаго самовара. Гости съ жадностью набросились на предложенный имъ хлѣбъ, такъ какъ киргизы весьма рѣдко его видятъ и считаютъ наилучшимъ лакомствомъ. Во время безконечнаго чаепитія бесѣда наша не прекращалась и видно было, что хитрые и недовѣрчивые кочевники всячески старались разузнать, извѣдать меня, какъ можно покороче, при чемъ, съ цѣлью вкратѣ въ мое довѣріе, низко льстили мнѣ. Оказывается, лицемѣріе у киргизъ порокъ врожденный, даже самое искреннее уваженіе и почтеніе всегда у нихъ отзываются невольнымъ лицемѣріемъ; должно быть лицемѣріе это есть простая вѣжливость, переродившаяся отъ постоянныхъ притѣсненій, отъ вѣчнаго страха предъ ихъ бывшими владыками-ханами. Всякій киргизъ предъ старшимъ или сильнѣйшимъ себя, а въ осо-

бенности предъ богатымъ и знатнымъ, готовъ унизиться до подлости, передъ низшимъ же и слабѣйшимъ себя, наоборотъ, до смѣшного гордъ и заносчивъ. Входя къ богачу или къ чиновнику, киргизъ, даже и не проситель, принимаетъ приниженный, пришибленный, печальный видъ и смиренно садится на свои пятки у порога, и кромѣ словъ привѣтствія ничего не говоритъ до тѣхъ поръ, пока богачъ соизволитъ кинуть ему какой-нибудь вопросъ, при этомъ бѣднякъ не можетъ ожидать отъ богача ничего, кромѣ нескрываемаго презрѣнія и отвращенія.

Проводивъ гостей, наговорившихъ мнѣ при прощаніи кучу любезностей и разныхъ благопожеланій, я началъ знакомиться съ своими будущими питомцами. Оказалось, что многіе изъ нихъ, преимущественно дѣти богатыхъ родителей, предъ поступленіемъ въ школу, успѣли уже кончить науку у странствующихъ по степи татарскихъ муллъ. Муллы эти, въ большинствѣ случаевъ, оказываются безпаспортными татарами, едва бредущими по Корану. Но для киргиза, усвоившаго изъ магометова закона только одно умѣнье складывать ладони и взмахивать ими предъ лицомъ, всякій мало-мальски разбирающій Коранъ кажется уже ученѣйшимъ муллою.

Киргизы не особенно долюбливаютъ татаръ, но изъ боязни ихъ презрѣнія и насмѣшекъ надъ собою по поводу полного своего невѣжества и незнанія даже основныхъ началъ вѣры магометовой, всячески задобриваютъ ихъ, угощаютъ, дарятъ и сквозь пальцы смотрятъ на плутни этихъ, по ихъ понятіямъ, непогрѣшимыхъ въ дѣлахъ вѣры авторитетовъ. Татары же, въ благодарность за это, не только нагло надуваютъ и обворовываютъ бѣдныхъ киргизъ, но при всякомъ удобномъ случаѣ еще осмѣиваютъ ихъ и считаютъ ихъ самыми глупыми и безтолковыми дикарями и въ ссорахъ между собою слово „киргизъ“ употребляютъ какъ ругательное. Изъ за этой-то боязни укоровъ и насмѣшекъ отъ мнимо благочестивыхъ и твердыхъ въ вѣрѣ татаръ, богатые киргизы при всякомъ удобномъ случаѣ стараются набраться татарскаго просвѣщенія и залучаютъ къ себѣ какого-нибудь, хотя бы и самого подозрительнаго вида, оборваннаго, но за то до синя выбритаго, странствующаго педагога и от-

даютъ ему въ науку своихъ сыновей, не взирая ни на возрастъ, ни на плохое здоровье ихъ. Нерѣдко можно встрѣтить въ такомъ походномъ медресе и четырехлѣтнихъ слабенькихъ дѣтей, которыя жалобно и на распѣвъ старательно выводятъ своими тоненькими голосками, часто повторяемое въ изучаемомъ Гавтіякъ „би-сми-ляги-ль ррахмани-ль ррахими“. Лѣтъ пять длится такое ученіе, и затѣмъ бѣднаго изнуреннаго непосильной наукой мальчика, по настоянію оперившагося и нерѣдко довольно разбогатѣвшаго за время обученія муллы, отправляютъ въ настоящее медресе, куда-нибудь въ башкирію къ ученому ахуну, или же въ знаменитую оренбургскую каргалу, давнишній разсадникъ мусульманскихъ фанатиковъ. Въ медресе ученіе длится еще лѣтъ 10 — 15, и кажется не считается никогда оконченнымъ, почему въ степи и до сего времени не особенно-то много ученыхъ муллъ изъ природныхъ киргизъ, и муллы эти не отличаются большимъ фанатизмомъ и не принуждаютъ своихъ единоплеменниковъ къ строгому исполненію закона, такъ что только благодаря заѣзжимъ татарамъ, киргизы не забываютъ, что они тоже мусульмане. Гдѣ водворился такой заѣзжій татаринъ-мулла, тамъ киргизы всѣми силами стараются быть хоть отчасти похожими на татаръ. У всѣхъ до синя выбриты головы, на всѣхъ грязныя тибетейки. Женщины, вопреки киргизскому обычаю, начинаютъ прятаться отъ мужчинъ и закрывать при встрѣчѣ съ ними свои лица. Старики уже не забываютъ, какъ обыкновенно, времени молиться и аккуратно совершаютъ свои омовенія и намазы, при чемъ отъ непривычки къ этому дѣлу не только путаются въ словахъ молитвъ, но и въ молитвенныхъ рокигатахъ, т. е. поклонахъ, такъ какъ поклоны эти весьма сложны и на полное изученіе ихъ вѣроятно нужно потратить не мало времени, почему большинство киргизъ почти не знаютъ и не особенно-то долюбиваютъ всю эту многосложную молитвенную гимнастику и не охотно и весьма рѣдко, а молодые такъ даже и никогда не исполняютъ неудобныхъ омовеній и непонятныхъ, а для неповоротливыхъ степняковъ и страшно утомительныхъ отъ постоянныхъ быстрыхъ вскакиваній и присѣданій, намазовъ. Неохотники они также и до исполненія рамазана, т. е. мѣсяч-

наго поста, и до посѣщенія мечетей, почему мечети большею частью пустуютъ и только разъ въ году, во время торжественнаго Курбанъ-Байрама, переполняются лѣнвыми послѣдователями пророка и это только потому, что праздникъ этотъ весьма памятенъ киргизамъ, такъ какъ дни этого праздника, по изобилію жертвеннаго мяса, есть дни всеобщаго обжорства. Обжорство же для киргизъ есть высшее и ничѣмъ незамѣнимое наслажденіе. Однакожь, не смотря на религіозный индифферентизмъ киргизъ, Исламъ не скоро еще погаснетъ въ степи, такъ какъ муллы татарскіе, получившіе во время оно широкой доступъ въ степь, продолжаютъ настойчиво, хотя собственно и не изъ религіозныхъ побужденій, а исключительно изъ своихъ выгодъ, превращать кочевниковъ въ ревностныхъ и фанатичныхъ мусульманъ, потихоньку и по легоньку отатариваютъ ихъ, поселяютъ въ нихъ недоувѣріе и ненависть къ русскимъ и тѣмъ готовятъ русскому Царю на границѣ Его обширной Имперіи довольно безпокойныхъ и небезопасныхъ подданныхъ. Поэтому-то теперь, когда въ теченіи полутора ста лѣтъ мусульманскіе миссіонеры, никѣмъ не стѣсняемые и даже поощряемые, успѣли уже заквасить киргизскіе умы соблазнительнымъ магометовымъ ученіемъ, гораздо труднѣе и бесплоднѣе стала въ степи проповѣдь о Христѣ, чѣмъ была бы она въ то время, когда киргизы еще почти силою были загоняемы въ настроенныя для нихъ мечети. Впрочемъ и теперь труды христіанскихъ миссіонеровъ среди кочевниковъ не остаются и не останутся безплодными, что видно на примѣръ изъ дѣятельности скромнаго священника Θεодора Соколова. Благодаря его неусыпнымъ трудамъ, въ Тургайской области изъ крещеныхъ киргизъ образовался уже цѣлый большой поселокъ, и, бывшіе недавно полудикими вороватыми кочевниками, теперь, съ принятіемъ христіанства, превратились въ мирныхъ осѣдлыхъ земледѣльцевъ.

Всѣ ученики мои оказались пресимпатичнѣйшими дѣтьми, и занятія съ ними составляли для меня истинное наслажденіе. Живые и смышленные, они прямо поражали, и не одного только меня, своими большими способностями, своею памятью и сообразительностью. Въ теченіи зимы новички успѣли научиться

читать и писать по русски и заpastись не одной сотней русских словъ и оборотовъ рѣчи. Второгодники къ концу года могли уже съ грѣхомъ пополамъ объясняться по русски, и русскую рѣчь понимали вполне, третьегодники же къ окончавію курса успѣли научиться довольно сносно говорить по русски и были весьма сильны въ письменномъ переводѣ не только съ русскаго на киргизскій, но и съ киргизскаго на русскій языкъ. Въ теченіи зимы мы съ ними перевели всю священную исторію, при чемъ нагорную проповѣдь киргизята съ удовольствіемъ заучили даже наизусть. Многіе изъ окончившихъ курсъ поступили затѣмъ въ духклассное училище, а нѣкоторые попали въ учительскую школу, въ надеждѣ сдѣлаться впоследствии если и не большимъ тюрѣ-господиномъ, то по крайней мѣрѣ хоть учителемъ или переводчикомъ въ уѣздномъ управленіи, такъ какъ всѣ киргизы, даже и дѣти, страшно честолюбивы и смотрятъ на обученіе въ русской школѣ исключительно съ утилитарной точки зрѣнія, и родители учениковъ возлагаютъ на своихъ, въ будущемъ по ихъ представленію великоученыхъ, сыновей самыя несбыточныя надежды. Поэтому-то въ киргизахъ давно наблюдается большое стремленіе къ русскому образованію и число школъ въ Тургайской области съ каждымъ годомъ увеличивается. Однакожъ, къ сожалѣнію, для ясности, нужно добавить, что все школьное ученіе быстро киргизами забывается, такъ какъ, что же значать какіе-нибудь два-три года, проведенные въ русской школѣ, въ сравненіи съ цѣлой жизнью въ полудикой средѣ, гдѣ о русской рѣчи, о русскихъ книгахъ, да и вообще о книгахъ, нѣтъ и помину?!. Поэтому-то самыя лучшіе ученики, по выходѣ изъ школы, быстро разучиваются не только говорить, но даже читать и писать по русски. О школьныхъ же порядкахъ, о пищѣ, о чистотѣ и опрятности, къ которыхъ ихъ приучали, скоро не остается у нихъ даже и смутнаго воспоминанія.

Да и не одни только ученики начальныхъ русско-киргизскихъ училищъ скоро позабываютъ о своемъ ученѣи и сравниваются во всемъ съ ничему неучившимися киргизами, но даже и самыя просвѣщенные киргизы, окончившіе университетъ и

прослужившіе затѣмъ по нѣскольку лѣтъ въ Россіи, восхищавшіе нѣкогда русскихъ своею элегантною, прекрасными манерами и поражавшіе всѣхъ своими громкими, впрочемъ болѣе трескучими, чѣмъ дѣльными, фразами, по возвращеніи въ степь, черезъ какія-нибудь пять лѣтъ, позабываютъ, чему они учились, чѣмъ раньше жили и быстро затѣмъ превращаются въ обыкновенныхъ неуклюжихъ полудикихъ киргизовъ. Та же землянка, та же кибитка, та же грязь въ дому, тотъ же первобытный способъ ѣды прямо пятью пальцами, тѣ же мелочные интересы и тѣ же почти взгляды, что и у совершенно никогда и ничему неучившагося киргиза-кочевника. Явленіе странное и неутѣшительное и ясно указывающее на то, что хотя способностями киргизы и не обижены, особенно въ дѣтскомъ возрастѣ, но самостоятельности въ нихъ нисколько нѣтъ, почему, пока киргизъ находится подъ чѣмъ-либо сильнымъ вліяніемъ и направляется сильною умѣлою рукою, онъ быстро развивается, совершенствуется и, какъ говорится, въ силахъ горы своротить, но лишь только погоняющая и направляющая его рука отъ него убрана, онъ теряется, останавливается въ своемъ развитіи и не знаетъ, что далѣе ему дѣлать, природныя наклонности быстро берутъ верхъ надъ воспитаніемъ, и онъ по прежнему начинаетъ видѣть единственное и высочайшее наслажденіе только въ наполненіи и переполненіи своего желудка, а главное въ полнѣйшемъ бездѣйствіи, въ постоянномъ ничего недѣланіи. И вотъ, получивъ нѣкоторое понятіе о непригодности и малополезности школьнаго просвѣщенія для кочевниковъ, можно предположить и даже съ увѣренностью сказать, что всеобщая многовѣковая спячка въ степи будетъ продолжаться еще до тѣхъ поръ, пока ея обитатели не просвѣтятся свѣтомъ христіанскаго ученія, такъ какъ только одно истинное Слово Божіе можетъ возродить кочевниковъ къ осмысленной дѣятельной христіанской жизни, указать имъ цѣль и пути жизни.

Иванъ Хохловъ.

ПРАВОСЛАВНЫЙ БЛАГОВѢСТНИКЪ.

Шѣдше научите всѣ ѡзбыки, кѣтѣще
нхъ во имя Оца и Сѣна и Сѣаго Дхѣ.
Матѣ. XXVIII, 19.

ИЗДАНИЕ

ПРАВОСЛАВНАГО МИССИОНЕРСКАГО ОБЩЕСТВА, состоящаго подѣ АВГУСТѢЙШИМЪ
ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ
ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ТЕОДОРОВНЫ.

1901.

Годъ девятый.

ТОМЪ I.

№ 4.

ФЕВРАЛЬ.

КНИЖКА ВТОРАЯ.

МОСКВА
ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ

ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКІЙ ПЕР., СОБ. Д.

1901

ревень, *Мурали*, гдѣ были также и крещеные, находится на дорогѣ изъ села Бушанчи въ село Ново-Федоровское. Дѣтей этихъ бывшихъ крещеныхъ и наиболѣе обрусѣлыхъ жителей не слѣдовало бы также оставлять безъ вниманія. Ихъ можно было бы привлечь въ бушанчинскую школу, если учитель этой школы будетъ знакомъ съ веденіемъ обученія инородцевъ, а затѣмъ и въ самой деревнѣ *Мурали* могла бы быть открыта школа.

И. Износковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Кудай жул (Божія дорога).

ИЗЪ КИРГИЗСКАГО БЫТА.

Смеркалось, когда, встрѣченные лаемъ стаи огромныхъ лохматыхъ псовъ, мы подъѣзжали къ аулу-лѣтовкѣ. Аулъ этотъ состоялъ болѣе чѣмъ изъ пятидесяти кибитокъ, разбросанныхъ по берегу извилистаго оврага и былъ изъ числа богатыхъ, такъ какъ по близости виднѣлись нѣсколько косяковъ дойныхъ кобылицъ съ жеребятами, что въ бѣдныхъ аулахъ нынче не всегда встрѣтишь.

Насъ встрѣтилъ хозяинъ лучшей въ аулѣ кибитки богатый дородный киргизъ въ предлинной бѣлой рубахѣ и полосатомъ бухарскомъ халатѣ. Наговоривъ кучу обычныхъ въ степени привѣтствій, онъ пригласилъ насъ въ кибитку къ своему больному брату.

Въ обширной кибиткѣ, уставленной по бокамъ сверху до низу многочисленными сундуками, въ расшитыхъ войлочныхъ чехлахъ, свертками дорогихъ туркменскихъ ковровъ и множествомъ огромныхъ пуховыхъ подушекъ, за занавѣской стоналъ больной.

Фельдшеръ внимательно осмотрѣлъ его, выслушалъ и, раскрывъ свою походную аптечку, сталъ составлять лекарство. Оказалось, что бѣдный киргизъ былъ уже въ послѣдней стадіи

чахотки и имѣлъ къ тому же порокъ сердца, такъ что медицинская помощь была почти уже ни при чемъ. Однакожь, послѣ пріема лекарства онъ нѣсколько успокоился и даже заснулъ.

Была уже ночь и гостепріимный хозяинъ уговорилъ насъ остаться у него до утра. Мы согласились. Скоро былъ поданъ чай съ баурсакомъ, т. е. шариками изъ пшеничнаго тѣста, изжаренными въ маслѣ. Чай разливала старшая дочь хозяина, дѣвушка лѣтъ 16, загорѣвшее плоское лицо которой много походило на стоявшій рядомъ съ ней никогда нечищенный томпаковый самоваръ.

Въ кибитку одинъ за другимъ стали собираться почетные киргизы, аульные аксакалы и, обмѣнявшись съ нами привѣтствіями, присаживались къ намъ на мягкія курпе (одѣяла), брошенные прямо на полъ, устланный во всю кибитку поверхъ кошемъ огромными коврами. Пришелъ также какой то заѣзжій молодой татаринъ-мулла, котораго хозяинъ поспѣшилъ усадить на самое почетное мѣсто, на подушки прямо противъ входа.

Во время безконечнаго чаепитія былъ введенъ въ кибитку и поставленъ предъ муллою чернѣйшій кургашекъ, (однолѣтній барашекъ). Мулла что-то почиталъ надъ нимъ и барашка увели. Черезъ минуту послѣ сего къ проснувшемуся больному пришла пожилая киргизка, въ бѣлоснѣжномъ, неимовѣрно высокомъ, полотняномъ головномъ уборѣ, съ ложкой дымящейся крови отъ только что зарѣзаннаго кургашка. Больной тотчасъ же выпилъ кровь, должно быть какъ цѣлительное средство.

Послѣ чая, въ ожиданіи варящагося мяса, завязалась общая бесѣда, которая сдѣлалась болѣе оживленной, когда гости пропустили по нѣсколько чашекъ живительнаго кумыза. Мулла оказался весьма разговорчивымъ и повидимому былъ не изъ фанатичныхъ. Онъ самодовольно похвалялся, что живетъ ему въ своемъ приходѣ не дурно, и что онъ настолько поправился въ матеріальномъ отношеніи, что подумываетъ уже обзавестись третьей женой. Оказывается, его прихожане, кромѣ обязательной десятины отъ хлѣба и скота, даютъ ему еще и заобычай: за новорожденнаго два рубля, за похороны отъ трехъ до пяти рублей и за „вѣнчанье“, какъ выразился мулла, т. е. за брач-

ную хутьбу (молитву) отъ пяти до двадцати рублей. Кромѣ того въ Курбанъ байрамъ съ каждаго дома приходится еще по овчинѣ, а съ богатыхъ по бычьей или лошадиной шкурѣ, жертвующихъ благочестивыми мухаммеданами въ полной увѣренности что въ день страшнаго суда, когда солнце падетъ на землю и будетъ жечь немилосердно, мулла растянеть эти кожи и будетъ затѣнять ими своихъ прихожанъ сообразно жертвы ихъ.

Въ память чего же Курбанъ у васъ установленъ, полюбопытствовалъ я. — „А это въ честь праотца нашего Авраама, друга Божія, да будетъ миръ и благословеніе Божіе надъ нимъ“, отвѣчалъ мулла.

„Богъ однажды сказалъ Аврааму“, продолжалъ воодушевившись мулла: „невозможно вразъ любить меня и другого кого. Вотъ ты очень любишь единственнаго сына твоего Исмагила (не Исаака), стало быть Меня — Господа Твоего не любишь. Халиль, (т. е. другъ Божій—Авраамъ), спросилъ: „чѣмъ же, о, Боже, докажу я Тебѣ свою вѣру и любовь?“ Богъ сказалъ: „Если принесешь Мнѣ въ жертву сына своего, то ясно докажешь, что ты истинно вѣрующъ и любишь Меня болѣе всего“. Халиль приказалъ женѣ своей умыть сына, помазать его масломъ и сказалъ, что они съ нимъ пойдутъ въ гости. На самомъ же дѣлѣ они ушли въ горы. Халиль связалъ сына своего и сказалъ ему: „о, сынъ мой, знай, что нельзя имѣть вразъ двѣ любви, нельзя въ одно время любить Бога и другого кого, и вотъ я хочу доказать теперь, что я люблю Бога больше, чѣмъ тебя!“ При этомъ онъ занесъ ножъ и сталъ рѣзать сына, но ножъ не рѣзалъ и скользилъ по тѣлу какъ по камню, ибо въ это время мать Исмагила сказала, „Аллага Табширъ“, т. е. всецѣло предала Богу отсутствующаго сына своего, такъ какъ она почуяла сердцемъ, что не въ гости увелъ его отецъ и что ему грозитъ какая-то опасность. Халиль разсердился на ножъ и бросилъ его отъ себя. Ножъ угодилъ въ камень, перерѣзалъ его на двое и говорить: „Халиль, что ты сердишься, что я не рѣжу. Вотъ ты заставляешь меня рѣзать, а Тотъ, кто сильнѣе тебя и меня, твой Хозяинъ и Богъ, не велитъ мнѣ рѣзать. Кого же мнѣ слушать, раба или Владыку?“ Халиль съ удивле-

ніемъ оглянулся на ножъ и увидѣлъ за разрѣзаннымъ имъ камнемъ кургашка. Онъ понялъ чудо, возблагодарилъ Бога и принесъ этого барашка въ жертву вмѣсто своего возлюбленного сына“.

„И вотъ, теперь, по ходатайству Халиля, всякому мусульманину, который съ усердіемъ принесетъ во время Курбана жертву, т. е. зарѣжетъ барашка и отдастъ кожу съ него муллѣ, будетъ облегчено въ день страшнаго суда самое трудное испытаніе. Именно, чтобы попасть въ рай, всѣмъ мусульманамъ нужно будетъ послѣ суда перейти чрезъ мостъ испытаній, чрезъ страшный мостъ Сиротъ. Мостъ этотъ тоньше волоса и острѣе меча и перекинуть чрезъ бушующее адское пламя, въ которомъ плаваютъ злые шайтаны и стараются крючьями стащить къ себѣ всякаго, переходящаго по мосту. Но при всемъ своемъ стараніи шайтаны не могутъ поймать праведниковъ, ибо они перелетаютъ чрезъ мостъ подобно молніи. И только грѣшники, отъ обременѣнія грѣхами, идутъ по мосту медленно, покачиваясь, и, конечно, всѣ бы неминуемо попадали въ когти дэмонамъ, если бы многихъ не спасала Курбанная жертва. По ходатайству Халиля, грѣшники эти, не переходятъ, а переѣзжаютъ Сиротъ на животныхъ, принесенныхъ въ жертву въ послѣдній годъ своей земной жизни“.

Мулла собирался было и еще что-то рассказать, но намъ предложили умыть руки, причемъ утереться дали такое грязное полотенце (суйлыкъ урамаль, т. е. полотенце для воды), что не возможно было безъ отвращенія прикоснуться къ нему. Затѣмъ подали огромную деревянную чашку, полную только что свареннаго мяса, поверхъ котораго лежала нераздробленная голова кургашка. Мулла раскрылъ коранъ. Всѣ молитвенно сложили руки и благоговѣйно, хотя и ни слова не понимая, стали слушать монотонное чтеніе-пѣніе муллы. Мулла читалъ долго, съ полчаса, и успѣлъ прочесть, принятую для прочтенія надъ болящимъ, тридцатую часть Корана. Кончивъ чтеніе, онъ отеръ вспотѣвшій лобъ и пригласилъ всѣхъ приступить къ мясу. Прежде всего онъ отрѣзалъ отъ головы уши и отдалъ ихъ, въ видѣ большаго почета, намъ съ фельдшеромъ, голову же, по

степному этикету, передалъ хозяину, а тотъ, поглодавъ немного, усласть этотъ подарокъ женщинамъ. Между тѣмъ двое изъ возсѣдавшихъ съ нами аксакаловъ вынули изъ за поясовъ ножи и быстро искрошили все мясо и разорвали на кусочки сваренныя съ нимъ прѣсныя пшеничныя лепешки. Замолкли разговоры. Всѣ принялись за ѣду, причемъ мясо препровождали изъ чашки въ ротъ прямо пятью пальцами. Когда въ чашкѣ оставалось уже не много, мулла сталъ раздавать асату, т. е. набиралъ полную горсть мяса и жиру и совалъ въ ротъ всѣмъ, не участвующимъ въ трапезѣ, менѣе почетнымъ посѣтителемъ, которые за этимъ угощеніемъ подползали къ муллѣ съ широко раскрытымъ ртомъ. Чашку, съ нѣсколькими, оставленными изъ приличія, кусочками мяса, убрали и гостямъ предложили въ деревянныхъ чашечкахъ сурпу, т. е. бульенъ отъ свареннаго барашка. Сурпа была очень вкусна и каждый пилъ ее, сколько хотѣлъ. Затѣмъ всѣ обтерли руки о невѣроятно грязную тряпицу, майлыкъ урамаль, т. е. сальное полотенце, а наиболѣе практичные обтерли ихъ прямо объ свои ичиги. По окончаніи трапезы, снова всѣ вымыли руки и выполоскали во рту и мулла прочиталъ бату, т. е. благодарственную молитву.

Поблагодаривъ хозяина, гости хотѣли было расходиться, но хозяинъ предложилъ кумызу и попросилъ немного подождать, пока проснется больной, желавшій о чемъ то переговорить съ ними. Снова завязалась бесѣда и мулла между прочимъ высказалъ, что попасть въ муллы не всякій можетъ, что это весьма трудно, такъ какъ нужно много и долго учиться, нужно хорошо знать Коранъ. — Ну, и знаешь ты его и все въ немъ понимаешь? спросилъ я муллу. — Какже, какже, все знаю, отвѣчалъ онъ, вѣдь десять годковъ учился. — А переведи-ка хоть начало того, что ты давеча читалъ, попросилъ я. — „Начало, это фатика, сказалъ внушительнымъ тономъ мулла т. е. первая глава корана, а фатика—вещь великая, переводить ее съ арабскаго на иной языкъ, даже на турецкій, нельзя, и да не только ее, а и вообще весь коранъ переводить нельзя, грѣшно, такъ какъ въ невольную ошибку можно впасть. Въ немъ вѣдь каждое слово до сорока смысловъ имѣетъ, какъ-же тутъ на обыкновенный

языкъ переведешь. Объяснять поэтому (Магана) Коранъ можетъ только очень ученый человѣкъ, а не простой мулла, какъ я; мы же, менѣе ученые, можемъ только читать эти объясненія по книгѣ“.

„Да, трудный нашъ законъ“, продолжалъ, вздохнувъ мулла, „много нужно учиться, чтобы хоть не много понимать его! И хорошо еще, что съ незнающихъ, съ неученыхъ на томъ свѣтѣ мало и спросятъ, а то бы никто не спасся. Нашъ законъ вотъ этимъ и хорошъ. Знаетъ простой, неученый человѣкъ „Ля ил-ляга илья-ллагува, Мухаммедъ расулюллашъ“, т. е. нѣтъ Бога, кромѣ Бога и Мухаммедъ посланникъ Божій, и для него почти и достаточно. И по смерти съ нихъ, съ неученыхъ только и спросится, что это исповѣданіе вѣры. Притомъ, если кто не надѣется, по робости или по незнанію, самъ хорошо отвѣтитъ, хотя загробнымъ отвѣтамъ у насъ съ малолѣтства учать, то можетъ передъ смертью пригласить себѣ въ помощники кого нибудь изъ смѣлыхъ и знающихъ муллъ“.—Какъ же это такъ? удивился я. — „А такъ“, продолжалъ мулла: „лишь только погребавшіе отойдутъ отъ могилы на сорокъ шаговъ, какъ къ усопшему являются два ангела, Мункиръ и Накиръ, и начинаютъ его грозно спрашивать, кто онъ, какой вѣры, чѣмъ докажетъ свою вѣру и прочее. И вотъ, если въ это время смѣлый человѣкъ приложить ухо къ могилѣ, то ясно услышитъ голоса спрашивающихъ ангеловъ и можетъ отвѣчать имъ и они отвѣты такого смѣльчака примутъ за отвѣты усопшаго, похороненнаго въ этой могилѣ. Мой родной братъ, тоже мулла, однажды нанимался отвѣчать за умершаго купца и ясно слышалъ страшные голоса ангеловъ и все-таки отвѣтилъ имъ на всѣ вопросы. Объ этомъ всѣ наши деревни знаютъ!“.

И еще бы вѣроятно много интереснаго узналъ я отъ муллы, такъ какъ онъ послѣ вкусной баранины и выпитаго кумыза пришелъ въ благодушное настроеніе и готовъ былъ проговорить всю ночь. Но въ это время закашлялся проснувшійся больной и попросилъ слова. Всѣ насторожились. Больной прерывающимся голосомъ, съ частыми передышками, повѣдалъ слѣдующее:

„Не для веселья, не на пиръ собрались вы сюда по нашему зову. Не пѣніе уйланчей, и не игру домбрашей вы слышали здѣсь, а лишь одно чтеніе божественной книги, да стоны больного. Но надѣюсь, что не посѣтуете вы на насъ, что мы потревожили для этого васъ и не откажете въ своихъ молитвахъ, чтобы Богъ принялъ нашъ сегодняшній Кудай жюл, (т. е. жертву ввидѣ только что съѣденнаго барашка), если выслушаете сейчасъ отъ меня, по какой причинѣ мы съ братомъ сдѣлали этотъ Кудай жюл. Слушайте же“.

„Я ученикъ Иленскаго хазрета. Десять лѣтъ учился у него и хотя и преуспѣвалъ въ наукахъ, однакожъ Хазретъ не разъ говаривалъ мнѣ, что все таки не суждено мнѣ сдѣлаться муллою, не предназначено быть руководителемъ народнымъ. Возвратясь въ аулъ, я не домогался указнаго муллы, а занялся обычными дѣлами простого киргиза и, помня завѣтъ хазрета, старался никого не обидѣть и не обмануть. Но вотъ недавно представилось мнѣ выгодное дѣло въ Башкиріи и я невольно покривилъ душею. Съ недѣлю тому назадъ я поѣхалъ было въ Башкирію, чтобы кончить это дѣло, но тутъ меня Богъ и нашель. Ъду я одинъ по степи, пою святыя стихи изъ Корана, какъ, вдругъ, лошадь моя вздрогнула и я увидѣлъ предъ собою, неизвѣстно откуда взявшуюся, огромную бѣлую змѣю, какихъ у насъ нигдѣ и не водится. Змѣя бросилась на меня, обвила мою шею и стала душить меня. Въ это время я услышалъ голосъ: „обѣщайся сдѣлать Кудай жюл и останешься невредимъ и пусть сдѣлають Кудай жюл и всѣ твои сородичи, дабы не погибли отъ внезапной страшной бури“. Голосъ этотъ повторился три раза, и лишь только обѣщался я мысленно сдѣлать Кудай жюл, какъ змѣя перестала душить меня. Когда я опомнится, то увидѣлъ, что стою на колѣняхъ на травѣ лицомъ къ Кыблѣ, (т. е. по направленію къ Меккѣ), въ молитвенной позѣ, со сложенными для молитвы руками. Лошадь моя стояла тутъ же, такъ какъ поводъ отъ узды былъ заткнутъ у меня, какъ и быть должно, за поясомъ. Ни змѣи и никого другого не было. *Какъ* я очутился на землѣ и долго ли пробылъ въ такомъ положеніи, сказать точно не могу. Оправившись не много, я возблагодарилъ

Бога за спасеніе отъ неминуемой гибели, сѣлъ на лошадь и благополучно возвратился домой. Цѣлую недѣлю я не могу успокоиться и никому до сего времени не говорилъ о своемъ видѣніи. Цѣлую недѣлю я не спалъ и все размышлялъ о видѣнномъ. Тайный голосъ „сдѣлай Кудай жюл ты и всѣ сородичи твои, если не хотите погибнуть“, не давалъ мнѣ покоя. И только вчера, когда я наконецъ рѣшился повѣдать все это вамъ, когда рѣшился сдѣлать Кудай жюл, когда уже и кургашекъ былъ припасенъ и вы всѣ приглашены, я немножко успокоился и даже заснулъ немного. Теперь я спокоенъ, я снялъ тяжесть съ своей души, открылъ вамъ все и въ вашей волѣ теперь: сдѣлать или не дѣлать Кудай жюл!“...

Понуривъ голову, съ глубокимъ вниманіемъ выслушали аксакалы исповѣдь больного и тутъ же дали слово, что всѣ непременно сдѣлаютъ Кудай жюл.

Слышно было потомъ, что старики сдержали свое слово. Весь аулъ, всѣ пятьдесятъ кибитокъ поспѣшили сдѣлать Кудай жюл, т. е. зарѣзали по барашку и угощали мясомъ всѣхъ и каждого. Шкуры же отъ зарѣзанныхъ кургашковъ, какъ шкуры отъ животныхъ жертвенныхъ, отдали счастливому муллѣ. И счастливцемъ этимъ, получившимъ сразу цѣлую полсотню шкурокъ, былъ знакомый нашъ словоохотливый татаринъ-мулла, а не кто-нибудь изъ киргизскихъ муллъ, хотя въ этомъ аулѣ было даже двое муллъ изъ киргизъ.

Изъ этого видно, какъ сильно вліяніе татаръ на кочевниковъ, какимъ большимъ авторитетомъ пользуются въ степи муллы татарскіе. Для номадовъ, знающихъ вѣру Мухаммедову почти только по наслышкѣ, заѣзжіе татары представляются настоящими столпами ислама, устами коихъ говорить сама мудрость, сама истина.

Поэтому, въ наиболѣе важныхъ случаяхъ жизни киргизъ радъ залучить къ себѣ татарина и готовъ во всемъ слѣдовать его совѣту. И татары умѣло извлекаютъ пользу для себя изъ своего вліянія на кочевниковъ и всѣ мѣры прилагаютъ, чтобы еще болѣе усилить и расширить это вліяніе. Для этого они прежде всего стараются подорвать уваженіе и довѣріе кочевни-

ковъ къ русскимъ, наговариваютъ на русскихъ разныя небылицы, представляютъ русскихъ непримиримыми врагами ислама, только о томъ и помышляющими, какъ бы окрестить, хотя бы даже и силою, всѣхъ мусульманъ.

Поэтому-то, если не будетъ скоро положенъ въ степи предѣлъ вредной пропагандѣ татарскихъ муллъ, если не будетъ противопоставлена имъ стройная и дружная рать православныхъ христіанскихъ миссіонеровъ, татары въ недалекомъ будущемъ успѣютъ окончательно подчинить своему вліянію весь даровитый киргизскій народъ, поработятъ его себѣ въ религіозномъ отношеніи и тѣмъ въ конецъ всю степь отатарятъ, превратятъ индифферентныхъ пока въ дѣлахъ вѣры кочевниковъ въ фанатичныхъ мусульманъ. И тогда, несомнѣнно труднѣе уже и гораздо безплоднѣе будетъ въ степи проповѣдь о Христѣ и несчастные киргизы осуждены будутъ еще на долгіе годы оставаться въ растлѣвающей тѣмѣ Мухаммеданства.

Но дай Богъ, чтобы не дошло до этого, дай Богъ, чтобы поскорѣе было окончательно заторможено прогрессивное отатариваніе кочевниковъ, дай Богъ, чтобы миссіонерамъ православнымъ былъ открытъ широкій доступъ въ Киргизскую степь, чтобы труды ихъ всячески поощрялись и поддерживались...

Тогда не замедлитъ для кочевниковъ ясно обнаружиться, насколько святой крестъ Христовъ выше полумѣсяца, насколько истинная проповѣдь евангельская выше и чище соблазнительнаго и развращающаго лжеученія Мухаммедова! (Прав. Собесѣдникъ).

Иванъ Хохловъ.

ПРАВОСЛАВНЫЙ БЛАГОВѢСТНИКЪ.

Шѣдше научите всѣ ѡзыки, крѣщаще
ѣхъ во ѡмнѣ Оца и Сѣна и Сѣаго Дѣа.
Матѣ. XXVIII, 19.

ИЗДАНИЕ

ПРАВОСЛАВНАГО МИССИОНЕРСКАГО ОБЩЕСТВА, состоящаго подѣ АВГУСТѢЙШИМЪ
ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ
ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ѢОДОРОВНЫ.

1905.

Годъ тринадцатый.

ТОМЪ I.

№ 5.

М А Р Т Ъ.

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

МОСКВА
ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ

ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКІЙ ПЕР., СОБ. Д.

1905

Впечатлѣнія поѣздки по инородческимъ мѣстностямъ Оренбургскаго края въ 1900 году.

(Изъ забытой тетради).

I.

Лѣтомъ 1900 года болѣе тысячи верстъ пришлось мнѣ сдѣлать по инородческимъ мѣстностямъ Оренбургскаго края. Многое удалось увидѣть во время этой поѣздки, многое посчастливилось подмѣтить и о многомъ пришлось поразмыслить.

Какъ бы изъ разныхъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ составлень Оренбургскій край: бокъ о бокъ живутъ въ немъ и русскіе—казаки и крестьяне, и киргизы, и башкиры и многіе другіе инородцы. Но не русскимъ духомъ вѣетъ отъ всего этого разноплеменнаго населенія русской окраины, хотя коренные русскіе и не могутъ пожаловаться здѣсь на свою малочисленность. Русский духъ только въ чисто русскихъ поселкахъ, всѣ же инородцы давно заразились духомъ татарскимъ, хотя чистокровныхъ татаръ въ этомъ краѣ и не особенно много. Но должно быть ужъ очень пахуче татарское племя, если, не смотря на свою сравнительную малочисленность, успѣло влить свой духъ во всю башкирію и начинаетъ также съ успѣхомъ отатаривать и обширную киргизскую степь и даже отчасти и само господствующее племя,—самихъ русскихъ. Чѣмъ же такъ сильны татары, чѣмъ успѣли они привлечь къ себѣ всѣ симпатіи и почти слить съ собою грубоватыхъ башкиръ и чѣмъ такъ успѣшно обольщаютъ и къ себѣ привлекаютъ даже и недовѣрчивыхъ киргизъ?

Ничѣмъ инымъ, какъ своею энергіею, своею необыкновенною вкрадчивостью, своимъ показнымъ благочестіемъ, своею набожностью и, главное, порабощеніемъ умовъ недалекихъ азіатовъ своею мнимою ученостью, своимъ знаніемъ „закона Мухамедова“.

Нѣтъ ни одной татарской деревушки, даже самой глухой и бѣдной, въ которой не имѣлось бы хотя плохонькой мечети, не было бы муллы, строго исполняющаго всѣ предписанія своего лжепророка и, главное, аккуратно, изо дня въ день, совершающаго въ мечети всѣ положенныя моленія. Въ богатыхъ же деревняхъ красуются по двѣ, а нерѣдко по три и болѣе красивыхъ мечети и имѣется по нѣсколько муллъ.

Аккуратно, по нѣскольку разъ въ день, и изо дня въ день, въ положенныя часы раздаются съ минаретовъ призывы азанчей на молитву. Благоговѣнно внимаетъ мусульманинъ этимъ призывамъ и постепенно укрѣпляется, какъ въ необходимой для спасенія истинѣ, въ такъ громогласно на весь міръ возвѣщаемой лжи, что „Мухаммедъ расулюл Ллаги“—т. е. посланникъ Божій.

По причинѣ этой необыкновенной аккуратности и ревности муллъ въ отправленіи ежедневныхъ публичныхъ молитвъ, всѣ мухаммедане, и главное старики, какъ болѣе свободные отъ работъ и естественно, по своему возрасту, болѣе заботящіеся о спасеніи своей души, всегда имѣютъ полную возможность, хотя бы были и жителями самыхъ глухихъ и бѣдныхъ деревень, удовлетворить своему религіозному чувству, всегда могутъ безпрепятственно и съ удобствомъ исполнить всѣ предписанныя ихъ законодателемъ обязанности къ Богу.

И далеко, далеко разносится слава о татарскомъ благочестіи, о татарской набожности, о томъ, что никто, кромѣ татаръ, не держитъ такъ крѣпко своей вѣры и что, слѣдовательно, вѣра татарская есть самая лучшая изъ вѣръ.

И вотъ, большинство инородцевъ, не мухаммеданъ, охотно идутъ въ ряды мусульманъ и стараются потомъ во всемъ подражать своимъ просвѣтителямъ и наконецъ совершенно порабощаютъ имъ свой умъ, свое сердце, смотрятъ ихъ очами, слушаютъ ихъ ушами...

Башкиры, на примѣръ, гордятся теперь, что они во всемъ почти стали похожи на татаръ, что живутъ чисто по татарски и что почти совсѣмъ уже забыли свои башкирскіе обычаи. Многіе киргизы тоже уже начинаютъ во всемъ подражать татарамъ и стыдятся своего незнанія татарской вѣры. Всякій татаринъ, даже какой-нибудь безграмотный пастухъ, для обольщенныхъ инородцевъ является уже настоящимъ, непоколебимымъ столпомъ мусульманства; его устами говоритъ сама истина, онъ все знаетъ, всему научить.

Такому религіозному порабощенію несчастныхъ башкиръ, киргизъ и другихъ инородцевъ особенно способствуютъ, какъ видно изъ предъидущаго, муллы татарскіе. Они своею важностью, необыкновенною степенностью и въ тоже время наружною скромностью и заискивающимъ обхожденіемъ невольно располагаютъ всѣхъ въ свою пользу и внушаютъ къ себѣ уваженіе и почтеніе не только со стороны своихъ одновѣрцевъ, но даже и русскихъ.

Въ особенности начальство русское благоволяетъ имъ, такъ какъ всѣ муллы всегда умѣютъ всякаго принять, угостить, предъ высшими прикинуться ничтожнымъ, ничего не значущимъ; умѣютъ пресмыкаться и лицемѣрно благоговѣть предъ русскимъ начальствомъ. За спиной же этого начальства, мулла всѣмъ внушаетъ, что всѣ русскіе непримиримые враги ислама и всѣ только о томъ и помышляютъ, и хлопочутъ, какъ бы обратить всѣхъ мусульманъ въ христіанскую вѣру.

Нѣкоторые муллы, наиболѣе способные и ученые, нерѣдко предпринимаютъ даже и отдаленныя путешествія для подкрѣпленія слабыхъ въ вѣрѣ и для сбора пожертвованій на поддержаніе мечетей и мусульманскихъ школъ. Къ наиболѣе же уважаемымъ и чтимымъ мулламъ, кромѣ того, и къ самимъ пріѣзжаютъ издалека, чтобы посмотрѣть на ихъ благочестіе, посоветоваться съ ними въ дѣлахъ, помолиться съ ними, поучиться закону...

И благочестивые муллы потихоньку строятъ себѣ хорошенкіе домики, разводятъ табуны скота, заваливаютъ свои просторныя горницы и коврами и подушками и шелковыми халатами, обзаводятся нѣсколькими молоденькими женами и, восхваляя сво-

его лжепророка, посмѣваются часто надъ незавиднымъ житіемъ, не пользующагося особеннымъ уваженіемъ и популярностью, мѣстнаго русскаго духовенства.

Между тѣмъ муллы эти, если узнать ихъ поближе, никакими особенными достоинствами не отличаются, кромѣ развѣ своей мнимой важности, степенности и показного благочестія. Они также невѣжественны, также не учены, какъ и прочая мусульманская масса. Вся восхваляемая многими ученость ихъ заключается лишь въ умѣньи читать по арабски и въ поверхностномъ знаніи важнѣйшихъ мусульманскихъ законоположеній. Большинство изъ нихъ все свое образованіе получили только въ школахъ мѣстнаго Чанкинскаго ахуна Кямала и не видали ни Бухары, ни Казани, ни даже и Оренбургской Каргалы. Только одинъ Кямаль былъ и въ Казани и въ Бухарѣ, чѣмъ и любитъ иногда похвастаться предъ своими собратьями.

Во всѣхъ татарскихъ деревняхъ муллы изъ татаръ, у башкиръ же большею частію мещераки; должно быть сами башкиры не обладаютъ особенной памятью и не могутъ постигнуть Корана.

Въ немногочисленныхъ киргизскихъ мечетяхъ муллы исключительно только киргизы же и это не отъ желанія кочевниковъ имѣть своими предстоятелями на молитвѣ своихъ же сородичей, но—мудрое желаніе правительства, оберегающаго степь отъ отатариванія. Если бы не правительство русское, муллы татарскіе совершенно бы заволокли степь, такъ какъ имѣютъ большое тяготѣніе къ ней изъ за жирныхъ барановъ, шелковыхъ халатовъ, на которые степняки щедры для служителей Аллаха. Однакожь и теперь муллы изъ татаръ ухитряются проникать въ степь, скитаясь тамъ, часто подъ видомъ торговцевъ, во множествѣ. Набивая свои карманы, эти самозванные служители лжепророка направляютъ кочевниковъ на русскихъ, обольщаютъ ихъ своею ученостью и мнимымъ всезнаніемъ. И степняки отдаютъ имъ предпочтеніе предъ своими природными муллами, дорожатъ этими проходимцами болѣе, чѣмъ своими указными, единоплеменными муллами.

Удивительно, что между татарами почти не встрѣчается неграмотныхъ по-татарски и всѣ они достаточно знаютъ о своей

вѣрѣ, всегда могутъ постоять за нее, защитить ее отъ нежелательныхъ нарѣканій и, при случаѣ, всегда готовы разсказать и доказать превосходство своей вѣры надъ всѣми прочими вѣрамя.

Оказывается, обученье между ними почти обязательное и они имѣютъ множество школъ, поддерживаемыхъ богатыми Оренбургскими купцами. Обучаютъ въ этихъ школахъ мѣстные муллы и ученье длится не менѣе, какъ лѣтъ по пяти. Учениковъ бываетъ обыкновенно множество, нерѣдко до двухсотъ, и при этомъ въ возрастѣ отъ пяти до тридцати лѣтъ. Груды разныхъ мухаммеданскихъ книгъ навалены въ этихъ школахъ на полкахъ и книги эти преимущественно Казанскаго изданія и чрезвычайно дешевы по цѣнѣ. Имѣются также и рукописи и книги турецкаго изданія, но эти сокровища хранятся муллами у себя дома подъ спудомъ.

Въ деревняхъ, гдѣ нѣтъ школъ, дѣти для обученія отвозятся въ школы нерѣдко верстъ за сто, или же ходятъ къ мѣстному муллѣ на домъ. Дѣвочки также научаются грамотѣ, но не въ школахъ, а, или у женъ муллы, или же, чаще всего, дома отъ грамотныхъ матерей.

Что же касается до киргизской степи, гдѣ школъ мухаммеданскихъ почти нѣтъ, дѣти обучаются татарской грамотѣ преимущественно у странствующихъ по степи татаръ, нерѣдко бывшихъ настуховъ или же проворовавшихся работниковъ и, конечно, при такихъ учителяхъ, долгое изученіе арабскаго алфавита и безтолковаго, неосмысленнаго чтенія Гафтіека, т. е. седьмой части Корана, не идутъ.

И. Х.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРАВОСЛАВНЫЙ БЛАГОВѢСТНИКЪ.

ШЕДШЕ НАУЧИТЕ ВСѦ ЯЗЫКИ, КРѢЩАЮЩЕ-
ИХЪ ВО ИМЯ ОЦА И СЫНА И СВѦТАГО ДУХА.
Матѹ. XXVIII, 19.

ИЗДАНИЕ

ПРАВОСЛАВНАГО МИССИОНЕРСКАГО ОБЩЕСТВА, СОСТОЯЩАГО ПОДЪ АВГУСТѢЙШИМЪ
ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ
ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ѲЕОДОРОВНЫ.

1905.

Годъ тринадцатый.

ТОМЪ I.

№ 6.

М А Р Т Ъ.

КНИЖКА ВТОРАЯ.

МОСКВА
ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ

ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКІЙ ПЕР., СОБ. Д.

1905

новыхъ дополнительныхъ свѣдѣній о способахъ менѣе обременительнаго для казны устройства общежитія для инородческихъ дѣтей въ Обдорскѣ, чрезъ что училищный вопросъ затягивался вновь на неопредѣленное время.

Преосв. Θεогносту такъ и не пришлось увидѣть даже къ концу его святительства въ Тобольскѣ (1862 г. сентября 27) разрѣшенія этого важнаго для миссіи дѣла. И все-таки, не смотря на полное отсутствіе средствъ для содержанія въ школѣ инородческихъ учениковъ пансіонеровъ, таковые не переводились въ миссіи, благодаря о. Петру Попову, прилагавшему всевозможныя заботы и старанія къ привлеченію въ училище остяцкихъ и самоѣдскихъ дѣтей. Въ 1860 году, мы знаемъ, онъ даже возбуждалъ ходатайство объ опредѣленіи своихъ учениковъ-питомцевъ двухъ самоѣдскихъ мальчиковъ въ среднія учебныя заведенія, — одного въ Тобольскую духовную семинарію, а другого въ Тобольскую губернскую гимназію.

Настоятель Обдорской миссіи іеромонахъ Иринархъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Впечатлѣнія поѣздки по инородческимъ мѣстностямъ Оренбургскаго края въ 1900 году¹⁾.

(Изъ забытой тетради).

II.

Не смотря на различіе языка, не смотря на различіе вѣры и мухаммеданскій фанатизмъ, русскіе хорошо уживаются съ разноплеменными своими сосѣдами. Недавнія набѣги кочевниковъ забыты и всѣ живутъ теперь въ мирѣ и согласіи. По башкиріи и киргизской степи русскіе разъѣзжаютъ, хотя бы и въ одиночку, также свободно, какъ и по своимъ роднымъ селамъ и даже женщины не боятся ходить „въ орду“ за ягодами, за козьимъ пу-

¹⁾ Продолженіе. См. „Правосл. Благов.“ № 5, стр. 208—212.

хомъ. Иностранцы, въ свою очередь, тоже нисколько не чуждаются русскихъ. Съ удовольствіемъ, и часто безъ всякой надобности, посѣщаютъ они всѣ базары въ русскихъ селахъ и къ близкимъ знакомымъ изъ русскихъ приходятъ по праздникамъ даже и въ гости.

Въ особенности татары ближе всѣхъ сжились съ русскими. Въ рѣдкомъ русскомъ селѣ не проживаетъ нѣсколькихъ татарскихъ семействъ въ качествѣ портныхъ, торговцевъ или мясниковъ. Работниками же у всѣхъ по большей части служатъ татары. Среди русскихъ татары чувствуютъ себя какъ дома, выучиваются языку и перестаютъ брезговать русскимъ. Также и русскіе, въ свою очередь, считаютъ себя въ татарскихъ деревняхъ тоже какъ дома и въ рѣдкой татарской лачугѣ не имѣютъ близкихъ пріятелей.

Большинство татаръ и даже многія татарки, благодаря такому постоянному и близкому общенію съ русскими, выучиваются говорить по русски съ малыхъ лѣтъ. Также и среди башкиръ, — знающихъ русскій языкъ довольно много. И только среди киргизъ процентъ говорящихъ по русски пока еще не особенно великъ, но можно ожидать, что онъ скоро будетъ больше, такъ какъ и теперь уже во многихъ аулахъ имѣются русско-киргизскія школы и число ихъ съ каждымъ годомъ все болѣе увеличивается.

И еще болѣе увеличивалось бы между иностранцами число знающихъ по русски, если бы русскіе сами поболѣе уважали свой родной языкъ и не боялись утруждать своихъ сосѣдей изученіемъ русскаго языка. Владѣя въ совершенствѣ татарскимъ языкомъ, которому съ малолѣтства выучиваются отъ татаръ-работниковъ, русскіе торговцы и казаки, къ сожалѣнію, злоупотребляютъ этимъ знаніемъ и часто даже и съ знающимъ русскій языкъ иностранцемъ говорятъ по-татарски. Обидно слышать, какъ русскій, бесѣдуя, напримѣръ, съ киргизомъ, старается говорить по киргизски, хотя киргизъ этотъ знаетъ по русски.

Между тѣмъ татары и башкиры и богатые киргизы наоборотъ весьма уважаютъ свой языкъ, дорожатъ имъ. Часто и при знаніи русскаго языка они все-таки разговариваютъ съ русскимъ

по своему и при случаѣ, когда русскій не понимаетъ ихъ языка, знатный киргизъ или башкирецъ, начинаетъ разговаривать чрезъ переводчика, хотя бы и самъ зналъ русскій языкъ въ совершенствѣ.

Но прискорбнѣ всего то, что многіе русскіе изъ постоянно проживающихъ среди мухаммеданъ, чаще всего писаря при кирскихъ управителяхъ и сельскіе писаря по башкирскимъ деревнямъ, стараются поскорѣе перенять азіатскіе обычаи, одѣваются въ татарскій костюмъ, ѣдятъ съ татарами все, до конины включительно, и нерѣдко, въ шутку, даже и молятся съ ними, т. е. по мусульмански складываютъ ладони и, при восклицаніи „Аллахъ акберъ“, взмахиваютъ ими предъ своимъ лицомъ, — что, конечно, весьма нравится мусульманамъ и тѣшитъ ихъ.

Да и у себя дома многіе русскіе, преимущественно казаки, тоже не особенно то чуждаются татарскихъ обычаевъ, и въ особенности татарской одежды. Почти всѣ старики-казаки франтятся въ киргизскихъ полосатыхъ халатахъ, даже и въ церковь въ нихъ ходятъ; молодежь же шьетъ себѣ теплые ватные бешметы, немногимъ отличающіеся по покрою отъ татарскихъ. Между тѣмъ, ни одного татарина, даже казака¹⁾, имѣющаго полную казачью форму, никогда, внѣ службы, не увидишь хотя бы donaшивающаго свою старую форменную одежду.

Не смотря на все близкое общеніе, мухаммедане и русскіе религіозныхъ споровъ между собою почти никогда не заводятъ, хотя татары не прочь поговорить о вѣрѣ (но только не съ присяжнымъ миссіонеромъ, при встрѣчѣ съ которымъ всякій татаринъ постарается или уйти, или притвориться ничего не понимающимъ).

Объясняется это тѣмъ, что русскіе, какъ извѣстно, безъ нужды не особенно-то заботятся о славѣ своей религіи и, при томъ, нисколько не любопытствуютъ узнать правду о другой вѣрѣ, почему, напримѣръ, кромѣ пошлыхъ и глупыхъ анекдотовъ о Мухаммедѣ ничего и знать не хотятъ о магометанствѣ и готовы къ дѣлу и безъ дѣла, только бы случай представился,

¹⁾ Казаковъ изъ некрещенныхъ татаръ довольно много въ Оренбургскомъ казачьемъ войскѣ.

колотить татарина своими глупыми баснями объ ихъ лжепророкъ, чѣмъ нерѣдко вызываютъ въ отместку даже и самыхъ осторожныхъ и благонамѣренныхъ татаръ на хулу Христа. Поэтому, чаще всего такіе религіозные диспуты кончаются обыкновенно, и больше по почину русскаго, взаимнымъ обмѣномъ грубостей — въ родѣ — „ахъ ты собака“, — „нѣтъ, ты самъ собака“, а иногда и дракой.

Конечно, такая нетактичность русскихъ не можетъ внушить мухаммеданамъ большого уваженія къ христіанству. Нехристіанская же жизнь русскихъ крестьянъ и казаковъ еще болѣе отталкиваетъ мухаммеданъ даже и отъ мысли о христіанствѣ, какъ о вѣрѣ достойной вниманія. Но болѣе всего соблазняетъ мухаммеданъ и даетъ имъ поводъ заключать о несостоятельности христіанства, пѣтрязвая жизнь нѣкоторыхъ, хотя и весьма немногихъ, членовъ изъ числа мѣстнаго православнаго духовенства. Мухаммедане по этимъ единичнымъ случаямъ рады составить самое невыгодное мнѣніе о православномъ духовенствѣ, о христіанскомъ богослуженіи, а затѣмъ и о самой вѣрѣ русской. Въ своихъ отправителяхъ молитвъ, въ своихъ муллахъ, мухаммедане привыкли постоянно видѣть самыхъ уважаемыхъ и безукоризненныхъ людей, изъ всѣхъ поступковъ которыхъ такъ и проглядываетъ важность ихъ служенія. А вѣдь простому чловѣку это и нужно болѣе всего; ему естественно дѣлать заключеніе, что каковы отправители моленій, таковы и молитвы, такова и вѣра. Поэтому, по представленію мухаммеданъ, если служители церкви Христовой не хороши, значить и богослуженіе христіанское и всѣ молитвы ихъ не дѣйствительны, не угодны Богу, слѣдовательно и вѣра русская плохая. И наоборотъ, — если муллы серьезны, степенны и благочестивы, значить и молитвы ихъ благоговѣйны, и будутъ слышаны Богомъ, слѣдовательно и исламъ лучшая спасительная вѣра.

И вотъ, къ сожалѣнію, такіе-то отрицательныя явленія (а ихъ наберется не мало) въ жизни русскихъ людей даютъ мухаммеданамъ прямой поводъ думать и утверждать, что вѣра христіанская — вѣра не истинная, что всѣ христіане крайне заблудились и удалились отъ Бога, почему и Богъ давно отступился отъ нихъ и всѣ они гибнутъ въ нечестіи.

Поэтому-то почти и не слышно здѣсь о переходѣ изъ мухаммеданства въ христіанство. Скорѣе напротивъ, — даже нѣкоторые христіане, и при томъ природные русскіе, нерѣдко почти совсѣмъ совращаются въ мухаммеданство. Такъ лично мнѣ извѣстно, что три православныя русскія женщины живутъ въ связи съ мухаммеданами, одна съ татаринѣмъ, другая съ башкирцемъ и третья съ киргизомъ. Живущая съ татаринѣмъ забросила совсѣмъ русскій обычай и ничѣмъ не отличается отъ татарки; живущая съ киргизомъ, тоже похожа на киргизку, послѣдняя имѣетъ отъ своего сожителя и дѣтей, которыя по настоянію ихъ отца киргиза и до сего времени не крещены. И только живущая съ башкирцемъ пока еще не отстала отъ русскаго обычая — одѣвается по русски, креститъ своихъ дѣтей и даже бываетъ на исповѣди. Сожитель ся, Низамей Бадридинѣвъ, весьма индифферентенъ въ дѣлахъ вѣры; впрочемъ, бросить мухаммеданство не помышляетъ, хотя объ этомъ его сожительница частенько и проситъ его.

Извѣстенъ мнѣ также и еще слѣдующій прискорбный случай. Одному моему родственнику пришлось заѣхать по дѣламъ къ татарскому муллѣ. Здѣсь онъ замѣтилъ, что одинъ изъ прислужниковъ муллы, маленькій, до синя выбритый, татарченѣкъ, въ длинной татарской рубахѣ и тюбетейкѣ, что-то уже очень конфузится русскаго. На вопросъ, почему малайка такъ конфузится, развѣ не видалъ еще русскихъ, мулла съ самодовольною усмѣшкой отвѣчалъ, что это совсѣмъ не малайка, не татарченѣкъ, а русскій мальчикъ, сынъ сельскаго писаря, отданный отцемъ, по причинѣ бѣдности и многочисленности семейства, ему, муллѣ, на побѣгушки и при этомъ даже бесплатно, а лишь изъ за хлѣба. Впослѣдствіи, спрошенный объ этомъ отецъ несчастнаго мальчика въ оправданіе свое говорилъ, что отдалъ сына, желая добра ему, что живя у муллы, онъ выучится по татарски говорить, что-де ему со временемъ можетъ и пригодиться.

И. Х.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПРАВОСЛАВНЫЙ БЛАГОВѢСТНИКЪ.

Шѣдше научите всѣмъ ѡзъки, крѣщаще
ѣхъ во имя Оца и Сѣна и Сѣаго Дѣа.
Матѣ. XXVIII, 19.

ИЗДАНИЕ

ПРАВОСЛАВНАГО МИССИОНЕРСКАГО ОБЩЕСТВА, состоящаго подѣ АВГУСТѢЙШИМЪ
ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ
ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ѢЕОДОРОВНЫ.

1905.

Годъ тринадцатый.

ТОМЪ I.

№ 7.

А П Р Ъ Л Ъ.

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

МОСКВА

ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ

ОСТОЖЕЛКА, САВЕЛОВСКІЙ ПЕР., СОБ. Д.

1905

по нѣскольку дней, таковыхъ инородная управа не упуститъ изъ вниманія понудить и впредь понуждать къ исполненію христіанской обязанности исповѣди и св. причастія въ Обдорской Петропавловской церкви и внушить всѣмъ инородцамъ вообще, что желаніе ихъ исполнить эту христіанскую и другія обязанности, св. церковь приметъ и исполнить во всякое время“.

Таково въ общихъ чертахъ было положеніе миссіонерскаго дѣла въ Обдорскѣ до конца 1862 года — времени назначенія Тобольскимъ и Сибирскимъ архипастыремъ архіепископа Варлаама II.

Настоятель Обдорской миссіи іеромонахъ Иринархъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Впечатлѣнія поѣздки по инородческимъ мѣстностямъ Оренбургскаго края въ 1900 году ¹⁾.

(Изъ забытой тетради).

Какъ унижаетъ христіанъ въ глазахъ мухаммеданъ и вмѣстѣ съ этимъ безмѣрно возвышаетъ въ ихъ мнѣніи муллъ, — обычай многихъ русскихъ лѣчиться у муллъ татарскихъ! Нерѣдко за сотни верстъ привозятъ русскаго больного къ прославленному муллѣ-лѣкарю, чтобы заговорить болѣзнь, чтобы мулла за хорошую плату пробормоталъ надъ головой православнаго христіанина нѣсколько бессмысленныхъ главъ изъ Корана и возложилъ на крещеннаго свои руки. Ужели некому здѣсь внушить этимъ несчастнымъ темнымъ людямъ, какъ грѣшно и унижительно для христіанина обращаться за исцѣленіемъ къ мулламъ татарскимъ, когда въ церкви святой есть болѣе дѣйствительное и вѣрное средство отъ всѣхъ болѣзней тѣлесныхъ и душевныхъ, чудное и дѣйственное святое таинство елеосвященія, и другія богатныя средства?

¹⁾ Окончаніе. См. „Правосл. Благов.“ № 6, стр. 254—258.

По всему этому, если иногда и слышно въ этомъ краѣ о крещеніи мухаммеданина, такъ это случаи весьма рѣдкіе и одиночные. Крестятся исключительно только немногіе изъ постоянно и съ самаго малолѣтства живущихъ среди русскихъ въ качествѣ работниковъ, пастуховъ и т. п. и при томъ, какъ говорится, не имѣющіе ни кола ни двора, ни отца ни матери и никакихъ родственниковъ среди мухаммеданъ, т. е. совершенно съ мухаммеданской средой ничѣмъ не связанные. Такіе новокрещенные нерѣдко женятся на русскихъ, обзаводятся своимъ домкомъ и скоро совсѣмъ позабываютъ, что когда-то были мусульманами и развѣ только сами же русскіе изрѣдка въ ссорахъ напоминаютъ имъ объ этомъ, попрекая новокрещеннаго „татарской мордой“.

Изъ всего вышесказаннаго да позволено будетъ мнѣ сдѣлать слѣдующій выводъ. Если бы всѣ хрістіане въ инородческихъ мѣстностяхъ жили вполнѣ по хрістіански и священники, хорошо освѣдомленные съ вѣроученіемъ мухаммеданъ, почаще внушали своимъ прихожанамъ о разумномъ, хрістіанскомъ отношеніи къ иновѣрцамъ и, подробно объясняя слабыя стороны лжеученія Мухаммедова, всѣхъ научали и направляли къ привлеченію мухаммеданъ въ вѣру Христову, мухаммеданство, несомнѣнно, стало бы потихоньку расшатываться; послѣдователи лжепророка скорѣе бы узнали всю правду о немъ и о полной несостоятельности его ученія и легче бы отшатнулись отъ него и вошли въ лоно святой церкви Христовой.

На такой успѣхъ, — при условіи, если во всѣхъ приходахъ по инородческимъ мѣстностямъ будутъ поставлены хорошо подготовленные и ознакомленные съ мусульманствомъ самоотверженные и дѣятельные пастыри-миссіонеры, — можно разсчитывать потому, что у каждаго такого священника, благодаря его частымъ поученіямъ и внѣбогослужебнымъ бесѣдамъ о проповѣданіи Слова Божія среди мухаммеданъ, воспитается цѣлая рать ревностныхъ и незамѣнимыхъ помощниковъ изъ наиболѣе способныхъ и преданныхъ церкви прихожанъ.

Скромные помощники эти чаще и ближе своего пастыря могутъ соприкасаться съ мухаммеданской массой и, не возбуждая

въ ней никакого подозрѣнія, не растревоживая сдерживаемаго мусульманскаго фанатизма, могутъ скорѣе и надежнѣе самаго даровитаго миссіонера проводить въ эту темную массу вѣрное понятіе о христіанствѣ. Случаевъ къ религіознымъ бесѣдамъ съ мухаммеданами и бесѣдамъ по душѣ, конечно, у такихъ непатентованныхъ миссіонеровъ будетъ множество, если вспомнимъ о постоянномъ и близкомъ общеніи русскихъ и инородцевъ, и бесѣды эти будутъ болѣе понятны и полезны, чѣмъ холодныя, систематическія проповѣди миссіонера.

Да и то еще нужно сказать,—у христіанскаго миссіонера среди мухаммеданъ не скоро найдутся и слушатели, такъ какъ при одномъ имени „миссіонеръ“, всякій мухаммеданинъ невольно настороживается и спѣшитъ замкнуться въ себѣ, замкнуть свои очи и уши сердечныя и тотчасъ же, какъ реакція, какъ отпоръ нежелательному приступу миссіонера, пробуждается въ немъ сдерживаемый религіозный фанатизмъ, закипаетъ долго сдерживаемая ненависть къ проклятымъ собакамъ гаурамъ, посягающимъ на его вѣру. Такъ часто бывало со мной, и я говорю все это отчасти по личному опыту. Всѣ татары, даже завзятые фанатики, съ удовольствіемъ бесѣдовали со мною о вѣрѣ, но лишь только узнавали, что я подготовляюсь къ миссіонерству, тотчасъ же замыкались въ себѣ и переводили разговоръ на другую тему.

Въ званіи „миссіонеръ“ они, должно быть, усматриваютъ какое-то уполномоченное правительствомъ лицо для обращенія ихъ въ христіанскую вѣру, почему и чуждаются миссіонеровъ.

Поэтому, пусть во всѣхъ приходахъ по инородческимъ мѣстностямъ, въ каждомъ селѣ, окруженномъ татарскими деревнями, будутъ поскорѣе священниками миссіонеры, т. е. съ хорошей миссіонерской подготовкой, (хотя бы напр. питомцы Казанскихъ миссіонерскихъ курсовъ), хорошо знающіе слабыя стороны Мухаммедова лжеученія; но пусть только не носятъ они оффиціального названія „миссіонеръ“, пусть не пугаютъ имъ темной татарской массы, не возбуждаютъ ее противъ себя, не „настораживаютъ“ ее.

И пусть поскорѣ во всѣхъ инородческихъ мѣстностяхъ учреждаются миссіонерскіе станы, но только не съ этимъ пугающимъ инородцевъ названіемъ, а съ другими скромными наименованіями, напр. „христіанскій пріютъ“, „инородческая школа“, и т. п. и пусть ими завѣдуютъ не „миссіонеры“, а по просту добрые „батюшки“, но только, повторяю, съ хорошею миссіонерскою подготовкою.

Обыкновенныхъ батюшекъ даже самые фанатичные татары нисколько не чуждаются, а достойныхъ изъ нихъ вполне уважаютъ и всегда готовы принять ихъ у себя, угостить и побесѣдовать къ нимъ по душѣ. Но приложите къ этимъ же батюшкамъ званіе „миссіонеръ“ и обхожденіе съ ними тотчасъ же будетъ совсѣмъ иное.

Въ заключеніе скажу еще нѣсколько словъ о башкирскомъ и киргизскомъ языкахъ. Нарѣчія эти весьма сходны съ татарскимъ, такъ что и киргизы, и башкиры и татары безъ труда объясняются другъ съ другомъ. По наслуху, вся разница въ этихъ нарѣчіяхъ только та, что татарскій языкъ какъ будто тверже, грубѣе, киргизскій немножко помягче, а башкирскій какой-то гнусавый, глухой и при томъ гортанный. Такъ напри-
мѣръ:

Татарскій.	Киргизскій.	Башкирскій.	} Произносить по башкирски слѣдуетъ въ носъ и гортанью.
жан	жян	йан	
(душа)	—	—	
ярар	жяряйда	йарар	
(ладно)			
су	су	ггу (хгу)	
(вода)			
син	син	гин (хгин)	
(ты)			
юл	жюл	йул	}
(дорога)			

ПРАВОСЛАВНЫЙ БЛАГОВѢСТНИКЪ.

Идеше научите всѣ ѡзыки, крѣпче
нхъ во имя Оца и Сна и Свяго Духа.
Матѳ. XXVIII, 19.

ИЗДАНИЕ

ПРАВОСЛАВНАГО МИССИОНЕРСКАГО ОБЩЕСТВА, состоящаго подъ августѣйшимъ
покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни
Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

1907.

Годъ пятнадцатый.

ТОМЪ I.

№ 2.

Я Н В А Р Ъ.

КНИЖКА ВТОРАЯ.

МОСКВА
ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ
ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКИЙ ПЕР., СОб. Д.

1907

лѣтъ живутъ среди некрещенныхъ и таковыя въ разсужденіи о религіи говорятъ не въ пользу бурханистовъ.

Въ заключеніе необходимо считаю нужнымъ сказать, что изъ бесѣдъ и съ крещенными и некрещенными инородцами не видно тутъ вліянія ламаизма. О Кегенѣ и ламахъ мы ни отъ кого ничего не узнали.

Проѣхано второй партіей 410 верстъ. („Томск. Еп. Вѣд.“).

Мыютинскій миссіонеръ, священникъ Владиміръ Постниковъ.

Въ Киргизской степи.

(Изъ письма учителя).

Ученики спятъ, завтра праздникъ и къ урокамъ, стало-быть, не готовится, канцелярщину казенную за прошлый мѣсяцъ сейчасъ прикончилъ, а на часахъ еще только 11 и я часа два могу бесѣдовать съ вами! На дворѣ шумить и гудить страшная мятель; страшно теперь показаться на вольный свѣтъ. Степь превратилась въ настоящій адъ, вьюга разыгралась и не скоро пожалуй утихнетъ. Буранъ свирѣпствуетъ вотъ ужъ 8-й день и все это время я никуда не выходилъ, потому что нѣтъ никакой возможности пробраться по нанесеннымъ громаднымъ сугробамъ снѣга. Бѣдную мою школу положительно всю завалило. Обширный дворъ—кажется теперь не огороженнымъ, такъ какъ за эти дни нанесло снѣгу сажени на двѣ въ вышину, заборы сравняло съ дворомъ, и вѣтеръ гуляетъ теперь и у насъ по двору также безпрепятственно, какъ и въ степи. Къ надворнымъ постройкамъ пришлось прокопать узенькія дорожки, — и въ конюшню и въ амбаръ приходится лазить какъ въ норы какія. Ворота съ перваго же дня поднявшейся пурги отворены, чтобы ихъ окончательно не завалило снѣгомъ, но и это мало помогаетъ и ихъ все-таки заноситъ. Что же касается до убогихъ киргизскихъ землянокъ, то ихъ совсѣмъ замело, виднѣются чуть-чуть только однѣ трубы. Опасно быть теперь въ степи. Вчера служитель

мой едва добрался до школы изъ сосѣдняго казачьяго поселка, куда необходимо было свезти экстренные пакеты. Сегодня буранъ еще сильнѣе и въ степи еще страшнѣе. Утромъ должны были привезти дрова, такъ какъ передовой прїѣхалъ еще вчера вечеромъ, но возчиковъ и теперь еще нѣтъ. Ужъ не заплутались ли гдѣ бѣдняги и не заноситъ ли ихъ снѣгомъ? Да, страшны степные бураны, въ нашихъ краяхъ не бываетъ ничего подобнаго. Но я не обладаю такимъ краснорѣчіемъ, чтобы по моему описанію можно было сдѣлать вѣрное представленіе о нихъ! Да и что, впрочемъ, мнѣ и вамъ до этихъ бурановъ?! Вы сидите теперь дома, грѣтесь на печи, а мнѣ въ своей школѣ тоже нечего бояться! Печки жарко натоплены, двойныя рамы въ окнахъ никакой буранъ не продуетъ, толстыя каменныя стѣны не скоро промерзнутъ... Провизіи запасено почти до лѣта. Муки больше ста пудовъ, мяса тоже довольно. Чаю съ полпуда, сахару пудовъ пять, керосину бочка, спичекъ цѣлый ящикъ, лѣкарствъ настоящая аптека... Ученики всѣ въ сборѣ. Всѣ они здоровы; здоровъ и я и стало-быть всѣ бураны не страшны намъ. Жалко вотъ только бѣдныхъ киргизовъ! Каково-то имъ въ ихъ убогихъ ма-занкахъ? Кизякъ, которымъ они топятъ, задуло, сѣно занесло, скотъ изъ степи пригнать не успѣли... Я вчера еще усмотрѣлъ сквозь мглу въ бинокль верстахъ въ 4-хъ отъ аула цѣлый косякъ лошадей. Каково-то имъ въ пустынной, холодной и голодной степи?! До перемерзшей травы не скоро докопашешься, домой же, въ аулъ, идти тоже почти не зачѣмъ. Все равно, у хозяевъ нѣтъ никакой защиты отъ вѣтра, нѣтъ также и корма. И, вотъ, бѣдныя животныя собираются въ кружокъ, мордами въ средину и въ молчаніи и страхѣ терпѣливо выжидаютъ конца бурана. А, Богъ знаетъ, когда онъ кончится!

А безпечный киргизъ пожалуй и не вздохнетъ о своихъ животныхъ. Сидитъ онъ себѣ, поджавши ноги, на почетномъ мѣстѣ въ своей землянкѣ и знать ничего не хочетъ. Гостей ждать нечего, никто не отважится ѣхать въ такую бурю и потому его раба „катынь“, ухаживаетъ только за нимъ однимъ, полусоннымъ своимъ благовѣрнымъ супругомъ — повелителемъ. Подносить ему „Кузю“, „Сурпу“ и „Круть“ и важный мужъ, надув-

шись всей этой, прости Богъ, дряни до одуренія, растягивается на своей мягкой постели. Скуки киргизы, повидимому, не знаютъ. Вся жизнь ихъ проходитъ въ одной ѣдѣ и питьѣ, въ бродяжничествѣ по „кунакамъ“, по гостямъ...

Но, какъ бы не заговориться долго объ одномъ и не забыть объ остальномъ, я лучше постараюсь отвѣтить по порядку на всѣ вопросы, предложенные вами въ послѣднемъ письмѣ вашемъ, на которое я и усѣлся сейчасъ отвѣчать. Оно лежитъ передо мною и лучше начнемъ по порядку.

1. Скотъ киргизскій, какъ я уже упоминалъ выше, находится большею частію въ полѣ, въ степи, гдѣ нерѣдко и гибнетъ въ долго затянувшіеся бураны. Телята отъ нѣкоторыхъ коровъ въ землянкахъ, а дойныя коровы въ обширныхъ сѣняхъ при землянкахъ. Лишнія же коровы и волы, на которыхъ здѣсь работаютъ, не знаю гдѣ. Впрочемъ, вѣдь у киргизъ не особенно по-многою рогатаго скота; у нихъ больше кони да бараны. Овцы, должно быть, ягнятся весною, а теперь около землянокъ нѣтъ ни одной изъ нихъ. Только у богатыхъ откармливаются по нѣскольку барановъ для угощенія гостей. Сѣна запасаютъ киргизы очень мало, да и то убираютъ весьма небрежно. Стога всѣ низенькіе, такъ что можно съ разбѣга прыгнуть на самую вершину стога. Сѣно сметано такъ рыхло, что весь стогъ можно растеребить голыми руками. Стога стоятъ около землянокъ, а не рѣдко даже и на землянкахъ и ничѣмъ не огорожены. Домашній скотъ, выѣздныя лошади и дойныя коровы, теребятъ сѣно какъ хотятъ, лѣнивые же хозяева не считаютъ нужнымъ регулярно задавать кормъ скоту. Соломы у киргизъ кромѣ просяной что-то не видно; должно быть изъ хлѣбовъ они сѣютъ только одно просо.

2. Мазанки свои, сложенные изъ дерна и покрытыя камышемъ, киргизы топятъ кизякомъ, т.-е. навозомъ и объѣдками сѣна. О дровахъ же здѣсь и богачи не смѣютъ думать, такъ какъ дрова страшно дороги. Иногда только, но весьма рѣдко, нѣкоторые богачи покупаютъ на базарѣ мелкій хворостъ „чилигу“ и топятъ имъ чуть ли только не по праздникамъ.

3. Хлѣба киргизы совсѣмъ и не видятъ. Развѣ иногда только

привезуть съ базара немножко и съѣдятъ его вмѣсто пряника. Питаются они главнымъ образомъ мясомъ, готовятъ которѣе большіе мастера и мясо, по ихъ способу сваренное, я ѣмъ съ большимъ аппетитомъ. Фунтовъ 20 мяса, а то и цѣлый баранъ пуда въ два, кладется въ котелъ, затѣмъ наливается въ него немножко воды и варится все въ закрытомъ котлѣ часа два, или три. Когда мясо сварится, въ бульонъ опускаютъ приготовленные за это время прѣсныя тоненькія лепешки и затѣмъ, еще минутъ черезъ десять, мясо и лепешки вынимаются изъ котла и подаются гостямъ въ большой деревянной чашкѣ. Гости передъ тѣмъ, какъ подѣсть къ чашкѣ, непременно умываютъ руки горячей водой, которую имъ подаетъ изъ кунгана (кувшина) надъ тазомъ кто-нибудь изъ хозяевъ. Но не подумайте, что киргизы слишкомъ чистоплотны! Вытираютъ они руки послѣ мытья такой грязной тряпичей, что тошно и смотрѣть на нее. Мясо крошитъ каждый своимъ ножомъ, а лепешки разрываютъ пальцами. Ыдятъ прямо руками, пятью пальцами, и то и дѣло обсасываютъ и облизываютъ ихъ, такъ что брезгливому человѣку трудно будетъ покушать съ азіатами. Семейству хозяина, его дѣтямъ и всѣмъ присутствующимъ въ землянкѣ отъ большой чашки тоже перепадаетъ частичка угощенія: главный гость раздаетъ всѣмъ косточки, которыя принимаются какъ какой-либо богатый даръ. Когда гости наѣдятся, начинается, смѣшной по нашему, обрядъ раздачи „асата“. Онъ состоитъ въ томъ, что главный гость набираетъ полную горсть мяса, подзываетъ кого-нибудь изъ присутствующихъ, и прежде всего хозяина, и суетъ ему угощеніе прямо въ раскрытый ротъ. Асату получаютъ всѣ присутствующіе въ землянкѣ и этотъ способъ угощенія считается здѣсь весьма почетнымъ. По окончаніи раздачи асаты чашка, въ которой, чтобы не сконфузить хозяина, должно обязательно остаться хотя немножко мяса, передается стряпухамъ. Да,—позабылъ было сказать,—гостю предъ началомъ ѣды предлагается прежде всего сваренная баранья голова, отъ которой онъ съѣдаетъ только уши, а остальное передаетъ, ввидѣ подарка, хозяину. Послѣ мяса подаютъ въ большой чашкѣ „сурпу“, т.-е. бульонъ отъ мяса и каждый поочередно, начиная съ главнаго гостя, пьетъ ее прямо

изъ чашки, сколько кому хочется. Бульонъ этотъ очень вкусенъ и я; не смотря на невольную брезгливость, пью его тоже въ порядочномъ количествѣ. Послѣ сурпы, вздохнувъ немного отъ угощенія, читаютъ „бату“ т.-е. молитву и въ концѣ ея, послѣ словъ „Аллахъ Акбаръ“, т.-е. великъ Богъ, взмахиваютъ ладонями около лица и благодарятъ хозяина за угощеніе словами „Алларыза булсынъ“.

Бѣдные киргизы питаются преимущественно „кузю“. Кузя эта похожа на жидкую кашицу и варится изъ жаренаго и истолченнаго проса съ водою и молокомъ, а у бѣдныхъ такъ и безъ молока. Пьютъ эту кузю прямо изъ чашекъ и обыкновенно въ холодномъ видѣ. Должно быть и кузя довольно питательна, такъ какъ бѣдняки и при одномъ употребленіи этого простого кушанья даже жирѣютъ. Кромѣ кузи у нѣкоторыхъ для разнообразія употребляется еще „крутъ“. Это—нѣчто въ родѣ сыра изъ овечьего,—или по здѣшнему выраженію—„бараньяго“ молока и имѣетъ видъ небольшихъ твердыхъ камней. Разведенный для употребленія въ горячей водѣ, крутъ на вкусъ немножко кисловатъ, и дѣйствуетъ на желудокъ вяжуще, все равно какъ черемуха. Послѣ большого количества выпитаго крута немного болитъ голова. Кто побогаче и имѣютъ коровъ, кромѣ кузи и крута, пьютъ еще въ громадномъ количествѣ „айранъ“, т.-е. кислое молоко и страшно жирѣютъ отъ этого напитка.

4. Женщины у киргизъ пользуются большою свободой, не какъ у нашихъ татаръ. Когда приходитъ гость, то чай разливаетъ обыкновенно старшая хозяйская дочь. Въ каждой землянкѣ непременно есть съ пару дѣвушекъ, „кызъ“ по киргизски. Дѣвушки, да и вообще всѣ молодые киргизы, народъ большею частью красивый, на видъ здоровый, румяный. Глаза у всѣхъ чернѣе ночи и свѣтлѣе яркихъ звѣздочекъ. Одежда у богатыхъ довольно красива, у бѣдняковъ же состоитъ обыкновенно изъ невозможныхъ лохмотьевъ, но у тѣхъ и другихъ одежда грязна въ одинаковой степени. Киргизки обыкновенно носятъ широкія длинныя бѣлыя рубахи, подъ которыя вмѣсто юбокъ, надѣваютъ широкія шаровары. Когда киргизка занята работой, то рубаху забираетъ въ шаровары, и это въ степи не считается неприлич-

нымъ, такъ что даже и дѣвушки въ такомъ видѣ не стѣсняются являться предъ гостями. Въ ушахъ франтихи носятъ длинныя и тяжелыя подвѣски, а на шеѣ и въ косахъ старинныя рубли. Голову дѣвушки повязываютъ платкомъ по татарски и по русски, а замужнія безобразно наворачиваютъ на голову цѣлую кучу полотна. На ногахъ у всѣхъ сапоги съ высокими тонкими каблуками, у дѣвушекъ же ичиги съ сафьянными туфлями. Если нужно куда выйти, то какъ мужчины, такъ и женщины надѣваютъ на себя цѣлую дюжину разныхъ халатовъ. Женщины ходятъ открытыми и не передъ кѣмъ не закрываются; только у нѣкоторыхъ муллъ прячутся отъ гостей. Мужчины головы не брѣютъ и тюбетеекъ не носятъ. Но нѣкоторые начинаютъ отатариваться, брѣютъ до синя голову и покупаютъ тюбетейки. Ученики у меня тюбетеекъ и подавно не носятъ и отпустили длинные волосы. Они и обѣдаютъ безъ шапокъ, не какъ татарчата, и даже вѣроученіе у ахуна слушаютъ безъ шапокъ, что по мусульманскому понятію, кажется, считается чуть ли не грѣхомъ.

5. Женщины на базаръ не ѣздятъ совсѣмъ, мужчины же ни одного базара не пропустятъ, чтобы не съѣздить, хотя нерѣдко таскаются туда безъ всякаго дѣла. Ѣздятъ здѣсь обыкновенно верхомъ и всегда въ сѣдлѣ. Безъ сѣдла киргизъ не можетъ и версты проѣхать, въ сѣдлѣ же цѣлый день проскачетъ и не устанетъ. Экипажей здѣсь, т.-е. саней и тарантасовъ, почти нѣтъ, въ нихъ никто не имѣетъ нужды. Даже и я начинаю привыкать къ верховой ѣздѣ и въ казачьи поселки разъѣзжаю обыкновенно верхомъ. Лошаденка довольно порядочная, хотя и не дорогая. На базаръ въ сосѣдній поселекъ я ѣду не болѣе часа, хотя туда не менѣе 15 верстъ. Въ сосѣднихъ казачьихъ поселкахъ познакомился кой съ кѣмъ, но въ гости ѣзжу рѣдко.

1. X.
